
Валерий Чёрный
Мор-Кхаан:
Чужой среди
Виталов

Валерий Чёрный

Мор-Кхаан: Чужой среди Виталов

«Автор»
2026

Чёрный В.

Мор-Кхаан: Чужой среди Виталов / В. Чёрный — «Автор», 2026

Он привык ломать любые законы вселенной. генерал Вэйр, получивший силу Древнего и власть шагать сквозь разломы, способен в одиночку поставить на колени целую империю.Но на борту обсидианового флагмана «Кхар-Вир» он сталкивается с Кирой Высшей Королевой Виталов, смертоносной хищницей из древней расы, живущей чужой жизненной энергией. Здесь чужаков превращают в пищу, а слабых стирают в пыль.Однако генерал Вэйр не стал добычей. Своей силой и волей он заставил врагов склонить головы и признать его Мор-Кхааном Вэйром Верховным Полководцем над всеми Гнёздами. Теперь ему предстоит пройти через жестокую дуэль с самой Королевой, разрушить заговор Матриархов и коснуться тайны, которую Виталы скрывали тысячелетиями.Чужой среди хищников. Человек, способный утолить их вечный голод или сжечь их мир дотла.

© Чёрный В., 2026
© Автор, 2026

Валерий Чёрный
Мор-Кхаан: Чужой среди Виталов

Мор-К’хаан: Чужой среди Виталов
Валерий Чёрный

Глава 1. Тень над Гнездом

Космос не был пустым. Он был голодным.

В тёмном секторе галактики, вдали от торговых путей и оживлённых маршрутов, медленно вращалась станция, которую не видели ни одни радары. Она не отражала свет — она его пила. Чёрный, матовый корпус, похожий на гигантский зазубренный клинок, рассекал пустоту. Серебристые прожилки на его поверхности пульсировали, как вены, перекачивая жизненную энергию от «Сердца» — огромного живого органа в центре корабля — к тысячам отсеков.

Это был «К'хар-Вир». Флагман Виталов. Первый и единственный корабль класса «Королевский Клинок». Легенда, которую боялись даже те, кто никогда её не видел.

Внутри, в Тронном Зале, царил полумрак. Стены из той же матовой тьмы, что и корпус, слабо светились серебристыми прожилками. Они реагировали на присутствие хозяйки — становились теплее, мягче, словно живой зверь, признавший свою госпожу.

На троне из чёрного материала, который не был ни металлом, ни камнем, сидела она.

К'ира. Высшая Королева Виталов.

Её кожа была жемчужно-белой, почти светящейся в темноте. Гладкой, как фарфор, без единого изъяна. Серебристо-белые волосы — тонкие сенсорные пряди, улавливающие вибрации жизни за тысячи километров — струились по плечам, заплетённые в сложные косы. Янтарные глаза с вертикальными зрачками смотрели в пустоту, но видели всё. Каждое живое существо в этом секторе. Каждую искру жизни, которую можно было выпить.

Она была прекрасна. И она это знала.

К'ира медленно подняла руку, и её длинные пальцы с тонкими, острыми, как лезвия, ногтями коснулись подлокотника трона. «К'хар-Вир» отозвался — по всему корпусу прошла лёгкая дрожь, словно корабль почувствовал прикосновение хозяйки.

— Доложи, — тихо произнесла она. Голос был бархатным, низким, с лёгкой гортанной хрипотцой. Голос, который приказывал, а не просил.

Из тени у трона выступила Пряха — связующая, одна из тех, кто управлял кораблём через ментальную связь с Королевой. Её лицо было бледным, глаза — потупленными. Она не смела смотреть на К'иру без разрешения.

— Гнездо «Теней» уничтожено, моя Королева, — доложила Пряха, и её голос дрогнул. — Три дня назад. Мы получили сигнал бедствия, но когда прибыли «Клинки»… там уже не было жизни. Только пепел.

К'ира не дрогнула. Её лицо осталось маской холодной красоты. Но пальцы на подлокотнике трона сжались чуть сильнее.

— Кто? — спросила она. Одно слово. Ледяное.

— Неизвестно, — Пряха опустила голову ещё ниже. — Никаких следов оружия. Никаких энергетических сигнатур. Только… пустота. Как будто жизнь просто высосали из всего Гнезда. Всех. До последней капли.

К'ира медленно поднялась с трона. Её движения были плавными, бесшумными, как у пантеры перед прыжком. Она сделала шаг вперёд, и её длинный чёрный плащ, расшитый серебряными нитями, заструился по полу, словно живая тень.

— Высосали, — повторила она, и в её голосе появилась опасная нота. — Кто-то осмелился выпить Гнездо «Теней». Кто-то играет в мою игру.

Она не чувствовала скорби. Гнездо «Теней» не было её Гнездом. Его Королева — старая, амбициозная соперница, которая не раз пыталась оспорить её право на титул Высшей. Их смерти не вызывали у К'иры ни жалости, ни гнева. Только холодный расчёт.

Но тот, кто это сделал, бросил вызов всем Виталам. Всем Королевам. И, что важнее, ей.

— Свяжись с Советом Гнёзд, — приказала К'ира, не оборачиваясь. — Я хочу знать, кто ещё пострадал. И я хочу знать, кто это сделал. Если Совет не ответит в течение часа… — она сделала паузу, и её янтарные глаза вспыхнули золотым огнём, — …я сама приду к ним. И тогда они ответят за всё.

Пряха поклонилась и растворилась в тени, спеша выполнить приказ.

К'ира осталась одна. Она смотрела в пустоту, и в её голове роились мысли. Виталы веками охотились на другие расы, высасывая их жизни, чтобы питать свои Гнёзда. Они были высшими хищниками этой галактики. Их боялись. Их ненавидели. Но никто, никто не смел нападать на них первым.

А теперь кто-то это сделал. И этот кто-то осмелился тронуть Гнездо, которое, пусть и не принадлежало ей, было частью её расы, её мира, её власти.

К'ира медленно провела рукой по холодной поверхности «окна». «К'хар-Вир» снова отозвался — лёгкая вибрация прошла по корпусу, словно корабль разделял гнев своей хозяйки.

— Мы найдём их, — прошептала К'ира, и её голос был тихим, но в нём звучала такая уверенность, что даже звёзды, казалось, прислушались. — Мы найдём их, и мы выпьем их до последней капли. Никто не забирает то, что принадлежит Виталам. И никто не бросает вызов мне.

Она отвернулась от окна и направилась обратно к трону. Её шаги были бесшумными, но каждый из них отдавался эхом в пустом зале, словно приговор.

«К'хар-Вир» медленно развернулся в пустоте, и его двигатели — «Разрывы» — начали набирать мощность. Пространство вокруг корабля задрожало, пошло трещинами, и через мгновение флагман Виталов прорезал реальность, исчезая в ослепительной вспышке фиолетового света.

Он ушёл в тень. Но все, кто был в этом секторе, знали: он вернётся. И когда он вернётся, он принесёт с собой голод.

Глава 2. Багровый Клинок

Гнездо «К'хар-Рра-Тен» умирало.

Оно не знало об этом. Его Королева — старая, надменная Мерита — сидела на троне из чёрного обсидиана, окружённая своей свитой, и считала себя в безопасности. Её «Клинки» — три корабля-шипа — кружили вокруг Гнезда, как акулы. Её Пряхи плели ментальные сети, сканируя пространство на тысячи километров. Её телохранители — дюжина высоких, бледных Виталов в чёрных одеяниях — стояли у трона, сжимая энергетические клинки.

Она не знала, что смерть уже здесь.

Пространство в центре Тронного Зала треснуло без предупреждения. Это был *разлом*. Реальность разошлась в стороны, как занавес, и из тьмы между измерениями шагнул он.

Вэйр.

Он был одет в багровый боевой костюм — не ткань, а нечто среднее между бронёй и кожей. Материал облегал его монолитную фигуру, как вторая кожа, и пульсировал изнутри тёмно-красным светом, словно по его венам текла расплавленная лава. По плечам и груди шли чёрные, хищные линии, похожие на гравировку. На поясе висели два меча в ножнах из того же багрового материала, с рукоятями, обмотанными чёрной кожей.

Он стоял неподвижно, заложив руки за спину, и на его губах играла лёгкая, едва заметная улыбка.

— Здравствуй, Мерита, — сказал он, и его голос был глубоким, бархатным, с лёгкой хрипотцой. — Я искал тебя.

Королева вскочила с трона. Её лицо — надменное, холодное — исказилось от ярости.

— Кто ты такой?! — закричала она. — Как ты прошёл сквозь защиту?! Стража! Убить его!

Дюжина телохранителей сорвалась с места одновременно. Они двигались с той скоростью, которая делала Виталов одними из самых опасных хищников галактики. Их энергетические клинки вспыхнули фиолетовым, и они ринулись на Вэйра, как стая волков.

Вэйр не двинулся с места.

Первый телохранитель — высокий, с длинными белыми волосами — занёс клинок для удара сверху. Вэйр лениво вынул правый меч из ножен. Багровое лезвие — длинное, изогнутое, с пульсирующей жилой внутри — встретило фиолетовую плазму с оглушительным, металлическим звоном. Искры брызнули во все стороны.

Он провернулся, уходя от второго удара — клинок просвистел в миллиметре от его лица, — и левым мечом, который он выхватил одновременно с правым, отсёк нападавшему руку. Фиолетовая плазма погасла. Телохранитель закричал — высоким, гортанным криком Витала — и рухнул на колени, прижимая обрубок к груди. Багровая кровь залила чёрный пол.

Вэйр не остановился.

Он двинулся вперёд, и его мечи превратились в два багровых вихря. Он не просто рубил — он *танцевал*. Каждое его движение было плавным, выверенным, смертоносным. Правый меч — блок, левый — удар. Правый — уклон, левый — рассечение. Телохранители падали один за другим, и их фиолетовые клинки, которые должны были разрезать его на куски, встречали лишь пустоту.

— Он слишком быстрый! — закричал кто-то из свиты. — Окружите его!

Трое телохранителей попытались зайти с флангов. Вэйр усмехнулся. Он подпрыгнул — высоко, неестественно высоко для человека, — и в воздухе провернулся, как волчок. Его мечи описали две идеальные дуги. Три головы с длинными белыми волосами покатились по полу одновременно. Тела рухнули на колени, и багровая кровь хлынула из обрубков шей.

Двое оставшихся телохранителей попытались выстрелить из бластеров — тонких, чёрных, с фиолетовыми энергетическими ячейками. Вэйр пригнулся, и лучи прошли над его головой. Он рванулся вперёд, скользя по полу, как хищник, и его мечи описали две параллельные дуги. Бластеры — вместе с руками, которые их держали, — упали на пол. Телохранители закричали, но их крики оборвались, когда багровые лезвия прошли сквозь их шеи.

В зале воцарилась тишина. Оставшиеся члены свиты — Пряхи, служанки — сбились в кучу у стены, как стадо испуганных животных. Их лица были бледными, глаза — широко раскрытыми от ужаса.

Вэйр медленно опустил мечи. Багровые лезвия тускло светились, покрытые чёрной кровью Виталов. Он поднял правый меч и указал им на Мериту. Лезвие было всего в нескольких сантиметрах от её лица.

— Твоё Гнездо, — сказал он, и его голос был спокойным. — Твоя жизнь. Твоя сила. Всё это теперь моё.

Мерита смотрела на него, и в её глазах боролись ненависть и страх.

— Ты… ты не Витал, — прошептала она. — Ты не человек. Что ты такое?

Вэйр улыбнулся. На этот раз — искренне.

— Я — Вэйр, — сказал он. — И я пришёл забрать то, что принадлежит мне.

Он убрал меч обратно в ножны.

Вэйр медленно, очень медленно, поднял взгляд на Мериту. На его губах играла всё та же лёгкая, едва заметная улыбка, но в изумрудных глазах не было ни капли тепла.

— Ты думаешь, что я пришёл сюда говорить? — тихо спросил он, и его голос эхом разнёсся по пустому залу. — Ты думаешь, что мне нужны твои знания? Твои Гнёзда? Твоя жалкая сила?

Мерита смотрела на него, и в её глазах — тусклых, янтарных — вспыхнул страх. Настоящий, животный страх.

— Тогда… зачем? — прошептала она.

Вэйр сделал шаг вперёд. Его багровый костюм пульсировал в такт с его сердцебиением, и казалось, что сам воздух вокруг него становится тяжелее.

— Я пришёл, чтобы убить тебя, — сказал он, и в его голосе не было ни злости, ни жестокости. Только холодная, абсолютная уверенность. — Я пришёл, чтобы стереть это Гнездо с лица вселенной. Я пришёл, чтобы показать всем Виталам — и тебе, и твоим сёстрам, и тем, кто прячется в тени, — что никто не может спрятаться от меня.

Мерита смотрела на него, и в её глазах — тусклых, янтарных — вспыхнул страх. Но затем что-то изменилось. Её спина выпрямилась. Её руки перестали дрожать. Она медленно, очень медленно, спустилась с подиума и встала напротив Вэйра.

— Ты думаешь, что я — просто старая Королева, которая будет умолять о пощаде? — тихо спросила она. — Ты думаешь, что я не умею драться?

Она вынула из ножен на поясе два меча — тонких, изящных, с лезвиями из фиолетового кристалла, которые вспыхнули холодным, ярким светом.

— Я — Королева «К'хар-Рра-Тен», — сказала она, и её голос был твёрдым. — Я выпила жизнь тысячи воинов. Я убивала существ, которых ты не можешь себе представить. И я не собираюсь умирать от руки какого-то чужака.

Вэйр улыбнулся. На этот раз — искренне.

— Хорошо, — сказал он. — Покажи мне, на что ты способна.

Мерита сорвалась с места.

Она двигалась быстрее, чем можно было ожидать от старой Королевы. Её фиолетовые клинки описали две идеальные дуги — один удар сверху, другой снизу. Вэйр встретил их своими багровыми мечами. Металл лязгнул о металл с оглушительным звоном, и искры брызнули во все стороны.

— Неплохо, — сказал Вэйр.

Мерита не ответила. Она провернулась, уходя от его контратаки — багровое лезвие просвистело в миллиметре от её лица, — и нанесла удар снизу вверх. Вэйр отклонился. Лезвие прошло мимо, рассекая воздух там, где мгновение назад была его грудь.

— Быстрее, — сказал он. — Ты можешь быстрее.

Мерита зарычала — гортанным, яростным рыком Витала — и рванулась вперёд. Её мечи превратились в два фиолетовых вихря. Она атаковала сверху, снизу, сбоку — со всех сторон одновременно. Вэйр блокировал, уклонялся, парировал. Но теперь он отступал. Она теснила его к стене.

— Ты не так силён, как думаешь, — прошипела она, нанося удар, который должен был пронзить его сердце.

Вэйр поймал её клинок своим. Их лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга. Она видела его глаза — изумрудные, спокойные, довольные.

— А ты не так слаба, как я думал, — сказал он. — Но это всё равно не поможет.

Он оттолкнул её. Мерита отлетела назад, её ноги скользили по чёрному полу, пока она не остановилась в центре зала.

— Ты закончила? — спросил Вэйр.

Мерита тяжело дышала. Её мечи всё ещё горели фиолетовым, но руки дрожали. Она вложила в эти удары всё, что у неё было. И он даже не вспотел.

— Нет, — сказала она, и в её голосе появилась новая нота. Не ярость. Отчаяние. — Ещё нет.

Она бросила мечи.

Они со звоном упали на пол, и фиолетовый свет погас. Вэйр поднял бровь.

— Что ты делаешь?

Мерита выпрямилась. Её глаза — тусклые, янтарные — больше не было страха. В них горела холодная, хищная уверенность.

— Ты думаешь, что моя сила — в клинках? — спросила она, и в её голосе звучала насмешка. — Я не собираюсь проигрывать какому-то чужаку, который думает, что он сильнее меня только потому, что у него есть блестящие игрушки.

Она сжала кулаки. Её тело напряглось, как тетива. Она была старой — но её мышцы всё ещё помнили тысячи битв. Тысячи жизней, которые она выпила. Тысячи воинов, которых она убила голыми руками, прежде чем взять в руки меч.

— Без оружия, — сказала она. — Только ты и я.

Вэйр смотрел на неё долгим, оценивающим взглядом. А затем улыбнулся — искренне, почти тепло.

— Хорошо, — сказал он.

Он медленно, очень медленно, убрал оба меча в ножны. Багровые лезвия погасли.

— Без оружия, — сказал он. — Только ты и я.

Мерита не стала ждать. Она сорвалась с места, как выпущенная стрела.

Её первый удар был молниеносным — прямой, как копьё, удар ногой в грудь. Вэйр уклонился. Его тело качнулось в сторону, и её нога прошла в миллиметре от его рёбер. Он перехватил её лодыжку и потянул. Мерита, потеряв равновесие, пролетела вперёд, но вместо того чтобы упасть, она закрутилась в воздухе и приземлилась на ноги, как кошка.

Она снова атаковала — серией быстрых, прямых ударов руками. Её кулаки летели, как молоты: сверху, снизу, сбоку. Каждый удар был точен, выверен, сокрушителен. Она била по корпусу, по голове, по плечам — везде, где могла достать.

Вэйр не блокировал. Он скользил. Каждое её движение он встречал мягким, круговым движением рук — и её удары уходили в пустоту. Её сила, её ярость, её скорость — всё это он перенаправлял, заставляя её промахиваться снова и снова.

Мерита зарычала — гортанным, яростным рыком Витала — и сменила тактику. Теперь она била не прямо, а по дуге — круговые удары ногами, которые должны были обойти его защиту. Её ноги рассекали воздух с такой скоростью, что казалось, будто их несколько. Она била по его ногам, по бокам, по голове. Один удар — сильный, прямой, как удар молота, — попал ему в плечо. Вэйр отступил на шаг.

Мерита не стала праздновать победу. Она рванулась вперёд, пытаясь провести захват — схватить его за руку и бросить через плечо. Но Вэйр был быстрее. Он перехватил её запястье, провернулся, и её собственный импульс швырнул её на пол. Она упала на спину, тяжело дыша.

Мерита зарычала. Она вскочила на ноги — быстрее, чем можно было ожидать, — и нанесла удар, который должен был сломать ему челюсть. Прямой, как стрела, удар кулаком. Вэйр уклонился — но на этот раз её кулак задел его плечо. Не сильно. Но достаточно, чтобы он почувствовал.

Она снова атаковала — на этот раз комбинацией: удар ногой, удар рукой, захват. Она двигалась, как вода — плавно, но неумолимо. Она пыталась обойти его защиту, найти брешь в его круговых движениях.

И она нашла.

Её кулак врезался ему в грудь — прямо, сильно, как удар тарана. Вэйр отступил на два шага.

Мерита тяжело дышала. Её тело дрожало от усталости, но в глазах горел огонь. Она больше не боялась. Она сражалась.

И тогда она сделала то, чего не делала ни разу за тысячу лет. Она отпустила контроль.

Её тело начало двигаться быстрее. Не на пределе возможностей — за пределом. Сенсорные пряди на её голове вспыхнули серебряным светом, и она начала читать его движения до

того, как он их совершал. Каждый его удар, каждый шаг, каждое дыхание — она знала это за мгновение до того, как это происходило.

Она рванулась вперёд, и её кулаки превратились в два молота. Она атаковала сверху, снизу, сбоку — со всех сторон одновременно. Вэйр блокировал, уклонялся, парировал, но теперь он отступал. Она теснила его к стене.

— Ты не так силён, как думаешь, — прошипела она, нанося удар, который должен был пронзить его грудную клетку.

Вэйр поймал её кулак своей ладонью.

Мерита тяжело дышала. Её руки дрожали. Она вложила в эти удары всё, что у неё было. И он даже не вспотел.

Она рванулась вперёд — не с кулаками, а с собой. Её руки вытянулись, пальцы растопырились, и на кончиках пальцев открылись микроскопические поры. Те самые поры, которые выпивали жизнь из любого существа. Те самые поры, которые сделали её высшим хищником галактики.

Она вцепилась в его лицо.

Её пальцы впились в его кожу — и поры открылись, готовые выпить его жизнь. Она ждала, что почувствует, как его сила, его жизнь, его суть потекут в неё, как река. Она ждала, что он побледнеет, ослабнет, упадёт.

Но ничего не произошло.

Её поры открылись, готовые выпить его жизнь — но там не было ничего. Ни энергии. Ни жизненной силы. Только абсолютная, звенящая тьма. Как будто она пыталась выпить океан через соломинку.

Вэйр не двинулся. Он смотрел на неё, и в его изумрудных глазах не было ни страха, ни боли. Только любопытство.

— Что… что ты такое? — прошептала она.

Вэйр медленно поднял руку и коснулся её запястья. Его пальцы сомкнулись — не сильно, но достаточно, чтобы она почувствовала, как что-то тёплое, текучее, живое входит в неё через его прикосновение.

Это была не её сила. Это была его.

И тогда он начал пить.

Мерита почувствовала, как её собственная жизнь — та самая, которую она выпивала из тысяч воинов, — начала уходить. Не через поры на её пальцах, а через его пальцы на её запястье. Он высасывал её. Медленно. Методично. Не через кожу — через саму суть.

Она закричала.

Это был не крик боли. Это был крик потери. Она чувствовала, как её тело пустеет. Как её мышцы слабеют. Как её кожа натягивается на костях. Как её глаза проваливаются в глазницы.

— Нет! — закричала она, пытаясь вырваться. — Нет! Пожалуйста!

Вэйр не ответил. Он не улыбался. Он не хмурился. Он просто смотрел, как она умирает.

Её тело сохло. Кожа становилась серой, покрывалась трещинами, как старая кость. Волосы — сенсорные пряди — выпадали, превращаясь в пыль. Глаза — тусклые, янтарные — погасли, как свечи на ветру.

Через минуту на полу лежал скелет. Серый, сухой, покрытый трещинами. Остатки одежды висели на нём, как тряпки на пугале.

Вэйр разжал пальцы. Скелет рассыпался в прах.

В зале воцарилась тишина. Оставшиеся члены свиты — Пряхи, служанки — сбились в кучу у стены. Их лица были бледными, глаза — широко раскрытыми от ужаса. Они не смели даже дышать.

Вэйр медленно повернулся к ним. Его изумрудные глаза скользнули по ним — холодно, оценивающе.

— Вы, — сказал он, и его голос был ровным, почти нежным. — Вы расскажете всем остальным. Вы расскажете им, что видели. Вы расскажете им, что Вэйр пришёл, и что он не остановится, пока все Гнёзда не падут к его ногам.

Он шагнул в разлом, и реальность схлопнулась за ним, оставив после себя лишь тишину, серый прах на полу и запах озона.

Глава 3. Совет Гнёзд

«К'хар-Вир» вышел из Разрыва в мёртвом секторе космоса, где не было ни звёзд, ни планет — только тьма и тишина. В центре этой пустоты висела станция, которую не видели ни одни радары. «Круг» — идеально круглая платформа из матово-чёрного материала, покрытая сетью серебристых трещин, которые светились тусклым, пульсирующим светом.

К'ира стояла на мостике, глядя на станцию через прозрачную мембрану. Вокруг «Круга» уже собрались другие корабли — «Клинки» разных Гнёзд. Она видела их всех. Двенадцать. Нет. Одиннадцать. Гнездо «К'хар-Рра-Тен» больше не пришлёт свой «Клинок». Его Королева мертва. Её тело — прах на полу собственного Тронного Зала.

— Стыковка, — приказала К'ира, и её голос был ровным, почти нежным. — Я иду туда.

Пряха, стоявшая у трона, склонила голову:

— Моя Королева, это может быть ловушка. Они боятся вас. Они могут попытаться…

— Они не посмеют, — оборвала её К'ира. — Они слишком боятся меня, чтобы напасть. И слишком боятся его, чтобы не слушать.

Она направилась к выходу из Тронного Зала. Её длинный чёрный плащ, расшитый серебряными нитями, заструился по полу, словно живая тень.

— Оставайся здесь, — бросила она через плечо. — Если я не вернусь через час — активируй «Жатву». Уничтожь всё, что движется.

Пряха вздрогнула, но кивнула. Она знала, что Королева не шутит.

«К'хар-Вир» медленно подошёл к «Кругу» и пристыковался с глухим, утробным лязгом. Створки шлюза разошлись, и К'ира шагнула в коридор станции.

«Круг» был древним. Его коридоры были высечены из того же чёрного материала, что и корпус «К'хар-Вир», но стены здесь были покрыты глубокими трещинами, которые светились тусклым серебром. К'ира шла по ним, и её шаги отдавались эхом в пустоте. Она не торопилась. Она давала им время. Давала им испугаться.

Зал Совета был огромен. Куполообразный потолок терялся в темноте, а стены были покрыты многослойными рядами сидений, на которых восседали Королевы и их свиты. В центре зала стоял круглый стол из того же чёрного материала, и вокруг него — двенадцать тронов. Каждый трон был уникален, как и его владелица.

К'ира вошла в зал, и её плащ заструился по полу, словно живая тень. Она не стала садиться. Она осталась стоять в центре зала, глядя на Королев, которые уже собрались.

Первой заговорила Королева, сидевшая на троне из чёрного обсидиана с золотыми прожилками. Её кожа была цвета старой слоновой кости, а волосы — заплетённые в сотни тонких косичек — были такими же белыми, как и у всех Виталов. Но в её глазах — тусклых, янтарных — горела холодная ненависть.

— К'ира, — произнесла она, и её голос был скрипучим, как несмазанные петли. — Ты пришла. Мы ждали.

К'ира медленно повернула голову к ней. Её лицо осталось маской холодной красоты, но в глазах вспыхнул опасный огонь.

— Королева Мерита мертва, — сказала она, и её голос был ровным, почти нежным. — Гнездо «К'хар-Рра-Тен» уничтожено. Вы все знаете это. Ваши Пряхи уже рассказали вам. Они рассказали вам, что видели.

По залу прошёл ропот. Королевы переглянулись. Некоторые из них выглядели испуганными. Другие — злыми. Третьи — равнодушными.

— Мы знаем, — ответила Королева, сидевшая на троне из чёрного обсидиана. — Нам рассказали. Пряхи Мериты добрались до нас час назад. Они рассказали всё. О чужеземце. О его мечах. О том, как он выпил её до скелета.

Она сделала паузу, и её губы сложились в тонкую, злую улыбку.

— Они также рассказали, что он говорил с ней. Перед тем как убить. Он сказал, что пришёл уничтожить всех нас. Все Гнёзда. Всех Королев.

К'ира медленно, очень медленно, подошла к столу. Её каблуки — высокие, тонкие, как иглы — звонко стучали по чёрному полу.

— И что вы предлагаете? — спросила она.

— Мы предлагаем не прятаться, — ответила Королева, и её голос был твёрдым. — Мы предлагаем найти его. И уничтожить. Все вместе. Одиннадцать Гнёзд. Одиннадцать Королев. Один враг.

К'ира рассмеялась. Это был не весёлый смех. Это был смех хищника, который нашёл добычу.

— Найти его? — переспросила она. — Ты думаешь, что мы можем найти того, кто приходит из ниоткуда и уходит в никуда? Ты думаешь, что мы можем уничтожить того, кто выпил Королеву до скелета, даже не вспотев?

Она обвела взглядом зал, и её янтарные глаза вспыхнули золотым огнём.

— Вы боитесь, — сказала она. — Все вы. Я вижу это. Я чувствую это. Ваши сенсорные пряди дрожат. Ваши сердца бьются быстрее. Вы боитесь того, кто убил Мериту. И вы правы.

Она сделала шаг вперёд, и её плащ заструился по полу, словно живая тень.

— Но страх — это не решение, — продолжила К'ира. — Страх — это то, что делает нас слабыми. То, что делает нас уязвимыми. То, что позволяет таким, как он, уничтожать нас по одному.

Она остановилась в центре зала и подняла руку. Её длинные пальцы с острыми, как лезвия, ногтями указали на Королеву, сидевшую на троне из чёрного обсидиана.

— Ты хочешь найти его, — сказала К'ира. — Хорошо. Я помогу тебе. Но не потому, что я боюсь. А потому, что я хочу знать, кто он. Я хочу знать, почему он убивает нас. И я хочу знать, как его остановить.

Она сделала паузу, и её голос стал тише, но в нём звучала такая угроза, что даже телохранители Королев отступили на шаг.

— Но если вы думаете, что я буду сражаться за вас — вы ошибаетесь. Я сражаюсь за себя. За своё Гнездо. За свою расу. И если кто-то из вас попытается меня предать — я не смогу выпить его. Виталы не пьют друг друга. Это невозможно. Но я могу отрубить ему голову. И я это сделаю.

В зале воцарилась мёртвая тишина. Королевы смотрели на К'иру, и в их глазах был страх. Настоящий, животный страх. Они знали, что она не блефует. Они знали, что она может это сделать.

Первой нарушила молчание Королева, сидевшая на троне из чёрного дерева с серебряными инкрустациями. Её звали Сильвана, и она была самой молодой из всех. Её кожа была почти прозрачной, а волосы — такими же белыми, как у К'иры, но заплетёнными в простую косу.

— Я помогу, — тихо сказала она. — Гнездо «К'хар-Рра-Тен» было моим союзником. Я не хочу, чтобы его судьба постигла моё Гнездо.

К'ира посмотрела на неё и медленно кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Кто ещё?

Одна за другой Королевы поднимались со своих тронов и склоняли головы. Акселла была последней. Она смотрела на К'иру с ненавистью, но в её глазах был страх. Она знала, что у неё нет выбора.

— Я помогу, — прошипела она. — Но это не значит, что я тебе верю.

К'ира улыбнулась. Холодно. Опасно.

— Мне не нужно, чтобы ты мне верила, — сказала она. — Мне нужно, чтобы ты делала то, что тебе говорят. И если ты попытаешься меня предать — я отрублю тебе голову. Это я могу.

Она развернулась и направилась к выходу из зала. Её плащ заструился за ней, как живая тень.

— Мы найдём его, — бросила она через плечо. — И мы уничтожим его. Все вместе. Или поодиночке. Выбор за вами.

Она вышла из зала и направилась по коридору к другому шлюзу. Там, пристыкованный к «Кругу», висел «Клинок» Гнезда «К'хар-Рра-Тен». Тот самый, на котором прилетели Пряхи Мериты. Они всё ещё были там. Они всё ещё дрожали.

К'ира вошла в шлюз и прошла по коридору «Клинка». Он был меньше, чем «К'хар-Вир», и его стены были покрыты тусклыми серебристыми прожилками, которые едва светились. Пряхи Мериты — три высокие, бледные фигуры в чёрных одеяниях — сидели на полу у стены. Их лица были серыми, глаза — потупленными. Они всё ещё дрожали. Они всё ещё помнили.

К'ира остановилась перед ними. Её длинная тень упала на пол, и Пряхи вздрогнули.

— Расскажите мне, — сказала К'ира, и её голос был ровным, почти нежным. — Расскажите мне всё. С самого начала. Я хочу знать каждую деталь.

Старшая Пряха подняла на неё глаза. В них был ужас. Настоящий, животный ужас.

— Он пришёл из разлома, — прошептала она. — Не из Разрыва. Из разлома. Реальность просто разошлась в стороны, и он шагнул в зал. Он был… не как мы. Не как Витал. Не как человек. Он был… другой.

Она сделала паузу, и её голос дрогнул.

— Он был в багровом боевом костюме. Не ткань — что-то другое. Оно пульсировало. Как живое. И у него было два меча. Багровых. Они горели. Как звёзды.

К'ира слушала молча. Её лицо оставалось маской холодной красоты, но в глазах горел огонь.

— Он убил всех телохранителей, — продолжила Пряха. — Всех. Двенадцать. Он двигался… быстрее, чем мы могли видеть. Он танцевал. Каждое его движение было… идеальным. Он рубил головы, отсекал руки, разрезал тела пополам. И он даже не вспотел.

Она замолчала, и её плечи задрожали.

— А потом… — прошептала она. — Потом он подошёл к Королеве. Он сказал ей… он сказал, что пришёл убить её. Что пришёл стереть Гнездо с лица вселенной. Что пришёл показать всем Виталам, что никто не может спрятаться от него.

К'ира наклонила голову набок.

— И что сделала Мерита? — спросила она.

Пряха подняла на неё глаза.

— Она сражалась, — сказала она, и в её голосе появилась нотка гордости. — Она бросила мечи. Она сказала, что её сила не в клинках. Она сказала, что выпила жизнь тысячи воинов и не собирается проигрывать какому-то чужаку.

К'ира усмехнулась. Холодно. Опасно.

— И что произошло? — спросила она.

Пряха опустила голову.

— Она проиграла, — прошептала она. — Она атаковала его. Она била его руками и ногами. Она использовала всё, что знала. Но он… он просто уклонялся. Он перенаправлял её силу. Он не блокировал. Он скользил. И когда она устала… когда она бросилась на него, чтобы выпить его жизнь… он схватил её за запястье.

Она замолчала, и её тело задрожало.

— И тогда он начал пить, — прошептала она. — Он высасывал её. Медленно. Методично. Не через кожу — через саму суть. Она кричала. Она просила. Она умоляла. Но он не остановился. Он просто смотрел, как она умирает.

К'ира молчала. Её лицо оставалось маской холодной красоты, но в глазах горел огонь.

— Виталы не могут пить друг друга, — тихо сказала она. — Это невозможно. Наша сила работает только на другие расы. Мы не можем выпить жизнь Витала.

Пряха подняла на неё глаза.

— Он смог, — прошептала она. — Он выпил её до скелета. И она рассыпалась в прах. Он не Витал. Он что-то другое.

К'ира медленно, очень медленно, выпрямилась. Её длинная тень на полу стала ещё длиннее.

— Вэйр, — повторила она, и её голос был тихим, но в нём звучала такая уверенность, что даже звёзды, казалось, прислушались. — Его зовут Вэйр. И он может то, чего не можем мы.

Она развернулась и направилась к выходу из «Клинка». Её плащ заструился за ней, как живая тень.

— Мы найдём его, — бросила она через плечо. — И мы узнаем, кто он. Почему он может пить Виталов. И как его остановить.

Она вернулась на «К'хар-Вир» и приказала Пряхам готовиться к отлёту. Совет был окончен. Теперь начиналась охота.

Глава 4. Спираль

Разлом схлопнулся за спиной Вэйра с тихим, вакуумным хлопком. Реальность сомкнулась, как вода, и он снова оказался в тишине.

Его корабль ждал его там, где он его оставил — в мёртвом секторе космоса, между звёзд, где не было ни планет, ни астероидов, ни торговых путей. Только тьма и тишина.

«Спираль» — так он называл его. Не «К'хар-Вир», не «Королевский Клинок». Это был не корабль Виталов. Это был его корабль. Его собственный.

Он висел в пустоте, как чёрный кинжал, брошенный в сердце вселенной. Корпус — не матовый, а зеркальный, из материала, который не отражал свет, а поглощал его. Тёмное стекло, оправленное в чёрный металл. Он был не таким огромным, как «К'хар-Вир», но в нём чувствовалась хищная, смертоносная грация. Он не был создан для перевозки армий или для устрашения. Он был создан для одного — для охоты.

Вэйр шагнул в шлюз, и створки сомкнулись за ним беззвучно. Внутри корабль был тёмен. Не мрачен — просто тёмен. Стены из того же чёрного металла, полы из полированного обсидиана. Никаких серебристых прожилок, никаких пульсирующих вен. Только холодная, абсолютная тишина.

Он прошёл по коридору, и его шаги отдавались эхом в пустоте. Он не торопился. Он никогда не торопился.

Мостик был в центре корабля — круглый зал с панорамным окном во всю стену. За окном — тьма. Бесконечная, голодная тьма. Вэйр подошёл к окну и остановился. Его изумрудные глаза отражали звёзды, которые были так далеко, что казались воспоминаниями.

Он поднял руку и коснулся холодной поверхности окна. На его пальцах всё ещё оставался запах праха Мериты. Серый, сухой, как старая кость. Он не чувствовал ни жалости, ни торжества. Только холодную, абсолютную уверенность.

— Один, — тихо сказал он, и его голос эхом разнёсся по пустому мостику. — Осталось десять.

Он отвернулся от окна и направился к пульту управления. Пульт был не таким, как у Виталов. Никаких живых органов, никаких пульсирующих вен. Только холодный, чёрный

камень с тонкими линиями, которые светились тусклым багровым светом. Вэйр коснулся одной из линий, и на экране вспыхнула карта галактики.

Одиннадцать точек. Одиннадцать Гнёзд. Одиннадцать Королев.

Он коснулся первой точки. Гнездо «К'хар-Рра-Тен». Погасла. Мертва.

Он коснулся второй. Гнездо «К'хар-Вир-Тен». Самая сильная. Самая опасная. Он не тронул её. Пока.

Он убрал руку от карты и направился к другому концу мостика. Там, в стене, был скрытый шкаф. Он открыл его, и внутри, на бархатной подушке, лежали два меча. Багровые клинки, которые он использовал в бою с Меритой. Они были покрыты чёрной кровью Виталов. Он не стал их чистить. Пусть помнят.

Он взял один из мечей и провёл пальцем по лезвию. Багровый свет пульсировал под его кожей, как живой.

— Ты был прав, — тихо сказал он, обращаясь не к мечу, а к себе. — Они не остановятся. Они не изменятся. Они будут убивать, пока есть кто-то слабее.

Он убрал меч обратно в шкаф и закрыл его. Затем он подошёл к другому пульту — небольшому, скрытому в стене. На нём была только одна кнопка. Багровая.

Он нажал её.

По всему кораблю прошла лёгкая вибрация. Где-то в глубине, в трюмах, начали просыпаться двигатели. Не «Разрывы» Виталов. Другое. Что-то, что не прорезало реальность, а скользило сквозь неё, как тень сквозь свет.

Вэйр подошёл к панорамному окну и посмотрел на тьму.

«Спираль» медленно развернулась в пустоте и бесшумно скользнула в темноту. Она не оставила ни следа, ни сигнала, ни тени. Она просто исчезла.

Как будто её никогда не было.

Глава 5. Инфинитум

«Спираль» вышла из разлома в секторе, который не значился ни на одной карте Виталов. Звёзды здесь были яркими, молодыми, полными жизни. В центре системы висела планета — изумрудная. Океаны, леса, горы с белыми шапками. Она светилась жизнью.

Инфинитум.

Вэйр сидел в кресле пилота и смотрел на неё через панорамное окно. На его губах играла лёгкая, едва заметная улыбка. Не хищная. Не холодная. Просто тёплая.

— Я дома, — сказал он тихо.

«Спираль» вошла в атмосферу. Корпус не раскалился — защита выдержала. Корабль прошёл сквозь облака и завис над долиной, где среди вековых сосен стоял дом.

Он был огромным. Не крепостью — усадьбой. Три этажа из тёмного дерева и камня, с высокими окнами, черепичной крышей и колоннами у входа. Вокруг — парк. Дубы, клёны, липы, дорожки из гравия, фонтан в центре. Всё ухоженное, всё живое.

Корабль сел на площадку за домом. Вэйр спустился по трапу, и его встретил запах. Тот самый. Сосны, влажная земля, яблоки и старая кожа. Он остановился на секунду, вдыхая. Потом пошёл к дому.

Двери открылись сами. Дом знал его. Дом ждал.

Внутри дом был другим. Не холодным камнем, а тёплым деревом. Тёмный дуб, красное дерево, латунь. Свет — не от ламп, а от каминов, которые горели в каждой комнате. И обстановка. Не современная. Не технологичная.

Девятнадцатый век.

В гостиной стоял рояль — не синтезатор, а настоящий, с деревянным корпусом и латунными педалями. На стенах — картины в тяжёлых рамах: пейзажи Инфинитума, портреты людей, которых Вэйр помнил. На полках — книги. Настоящие книги, в кожаных переплётах,

с золотым тиснением. На столе — графин с коньяком и два бокала. Не потому что он ждал гостей. Потому что так было правильно.

И всё это — под управлением умного дома. Стены реагировали на его присутствие. Свет становился ярче, когда он входил. Камин разгорался, когда он садился в кресло. Двери открывались, когда он шёл. Дом знал его настроение. Знал, когда он хотел тишины, а когда — музыки. Знал, когда нужно было зажечь свечи, а когда — растопить камин.

— Шопен, — сказал Вэйр, и его голос эхом разнёсся по пустой гостиной. — Ноктюрн. Тот самый.

Дом отозвался мгновенно. Из скрытых в стенах динамиков полилась тихая, тягучая мелодия. Не современная запись — живое исполнение, записанное где-то в другом мире, где ещё остались пианисты. Вэйр закрыл глаза. На секунду. На две. Он снова был ребёнком, и мать играла этот ноктюрн на рояле, который теперь стоял в углу.

— Свет, — сказал он, и кабинет отозвался. Лампы под потолком вспыхнули мягче. — Коньяк.

На столе, рядом с графином, появился бокал. Не сам — его вынес из стены манипулятор, бесшумный, как тень. Вэйр налил себе. Сделал глоток.

Он провёл в доме час. Может, два. Пил коньяк, смотрел на огонь, слушал Шопена. Потом поднялся и пошёл в мастерскую.

Она стояла за домом — длинное здание с высокими окнами и трубой, из которой шёл дым. Внутри пахло железом, углём и маслом. Горн горел ровно, и его багровый свет ложился на стены. Вэйр подошёл к горну, взял молот и опустил его на наковальню. Не для того, чтобы что-то выковать. Просто чтобы почувствовать.

— Я помню, — сказал он тихо. — Я помню, как ты учил меня держать молот. Я помню, как говорил, что сталь не лжёт. Я помню.

Он положил молот обратно. Потом вернулся в дом, поднялся на второй этаж, в свою комнату. Там, на стене, висела фотография. Не голограмма. Бумажная, выцветшая. На ней были двое — мужчина и женщина. Мужчина был похож на Вэйра. Женщина улыбалась.

Вэйр остановился перед фотографией. Долго смотрел. Потом сказал:

— Я не остановлюсь. Даже если это будет стоить мне жизни. Я не остановлюсь.

Он отвернулся и вышел.

Он допил коньяк и поставил бокал. Потом поднялся и подошёл к окну. За стеклом лежал парк — дубы, клёны, липы. А дальше, за парком, за воротами, начиналась дорога. Она вела в город.

— Я уеду на пару часов, — сказал он. — Приготовь костюм.

Дом отозвался. В спальне на втором этаже открылся шкаф. Внутри, на плечиках, висели костюмы. Не боевые. Не багровые. Деловые. Тёмная шерсть, белоснежные сорочки, шелковые галстуки. Вэйр выбрал один — угольно-серый, с тонкой серебряной нитью. Надел. Посмотрел в зеркало. Человек, который смотрел оттуда, был не охотником. Он был кем-то другим.

Машина ждала у ворот. Не «Спираль». Не корабль. Автомобиль. Чёрный, низкий, с матовой обшивкой и двигателем, который работал тише шёпота. Вэйр сел за руль и выехал на дорогу.

Город назывался Аурум. Он был не таким, как Гнёзда Виталов. Не органическим. Не живым. Каменным. Башни из стекла и стали, широкие проспекты, мосты через реки. Люди шли по улицам, спешили по делам, пили кофе в кафе. Обычные люди. Не Виталы. Не охотники. Просто жизнь.

Вэйр припарковался у здания с колоннами. Не самого высокого. Не самого нового. Но солидного. На входе его встретил охранник — немолодой, с усталым лицом.

— Господин Кэлдор, — сказал он, кивнув. — Вас ждут.

Вэйр прошёл внутрь. Коридоры были тихими. Люди в костюмах шли мимо, не поднимая глаз. Они знали, кто он. И боялись. Не потому что он убийца. Потому что он влиятелен.

В зале заседаний его ждали трое. Сенатор. Промышленник. И женщина в строгом костюме — представитель торговой палаты. Они сидели за длинным столом, и на их лицах было написано напряжение.

— Господин Кэлдор, — сказал сенатор. — Мы рады, что вы нашли время.

— Я всегда нахожу время для дел, — ответил Вэйр, садясь. — Говорите.

Сенатор переглянулся с остальными. Потом сказал:

— Речь о поставках стали. Ваша мастерская — единственная, кто производит сплав, который держит энергию ядра. Мы хотим обсудить контракт.

Вэйр слушал. Молча. Потом сказал:

— Мой сплав не продаётся. Он распределяется. И я решаю, кому.

Сенатор побледнел.

— Но... это же монополия.

— Это качество, — сказал Вэйр. — Вы хотите сталь, которая не ломается? Я её делаю. Вы хотите цену, которая вас устроит? Я её называю. Или вы идёте к другим. Но других нет.

Тишина. Промышленник сглотнул. Женщина отвела взгляд.

— Мы согласны, — сказал сенатор.

Вэйр кивнул.

— Хорошо. Пришлите документы. Я подпишу.

Он поднялся.

— И ещё. Я слышал, вы обсуждали новые налоги на окраины. Не надо. Люди на окраинах работают. Они не мешают вам жить в центре. Оставьте их в покое.

Сенатор открыл рот. Закрыл. Потом кивнул.

Глава 6. Отставка

Он помнил день, когда ему сказали, что война кончилась.

Это было на мостике флагмана. Тогда у него был другой корабль — тяжелый, с рубленными бронированными бортами и экипажем в три сотни человек. Генерал-майор Вэйр Кэлдор стоял у панорамного окна, за которым догорала чужая планета. Он уже не помнил ее названия. В памяти остался лишь цвет — ядовито-оранжевый, как расплавленный металл, и то, как атмосфера вспыхивала слоями, когда орбитальные бомбы пробивали ее насквозь.

Адъютант вошел тихо. Он всегда умел появляться бесшумно. Положил на пульт перед генералом лист настоящей плотной бумаги с официальной печатью.

— Подписано, господин генерал. Перемирие. Через час приказ вступает в силу.

Вэйр не повернул головы, продолжая смотреть на то, как умирает чужой мир.

— Через час.

— Так точно, генерал Кэлдор. Ровно через шестьдесят минут.

— А что будет потом? Через час и одну минуту?

Адъютант на секунду замешкался, словно сам не верил в то, что собирался произнести:

— Мир, господин генерал.

Вэйр взял лист. Внимательно изучил его, до самой последней строчки и подписи верховного командования. Затем аккуратно, движением перфекциониста, положил его обратно на пульт.

— Хорошо. Свободен.

Генерал остался у окна один. Он простоял там весь этот час, наблюдая, как гаснут последние очаги тектонических взрывов, как рассеивается дым и планета покрывается мертвыми серыми пятнами. И когда в командной сети прозвучал финальный сигнал — длинный, ровный, официально объявивший о прекращении огня, — Вэйр почувствовал, как внутри него что-то сжалось. Это не было облегчением или скорбью. Это была абсолютная, звенящая пустоту.

Он молча вышел с мостика, прошел по стальным коридорам в свою каюту и закрыл за собой дверь. Сел на жесткую койку.

И только тогда, в ледяной тишине, генерал-майор Кэлдор осознал: он понятия не имеет, как жить дальше.

Всю сознательную жизнь у него был приказ. Сначала — от сурового отца, который учил его держать кузнечный молот и повторял, что сталь никогда не лжет. Потом — от старших офицеров, указывавших, куда вести батальоны и кого уничтожать. Позже он стал отдавать приказы сам себе, потому что война требовала инициативы. Каждый его день имел цель. Каждое убийство — четкую причину.

А теперь причин не осталось.

Мир — это когда орудия молчат. Это когда сенаторы до хрипоты спорят о налогах, а купцы подсчитывают прибыль в тихих кабинетах. Это когда люди строят дома, заводят семьи и умирают в глубокой старости в собственных постелях, а не от плазменного ожога в грязном окопе.

Генерал Кэлдор понимал это умом. Знал, что ради этого проливались океаны крови. Но, сидя в пустой каюте, он ощущал себя ненужным хламом, списанным на свалку истории.

Он честно попытался стать мирным человеком. Потребовались годы, чтобы построить новую жизнь. Он выкупил старую семейную усадьбу на Инфинитуме, обставил ее книгами в кожаных переплетах и редким роялем. Научился смаковать дорогой коньяк по вечерам, сменил тяжелую боевую броню на безупречные деловые костюмы. За несколько лет жесткого, бескомпромиссного ведения дел он превратил скромную кузницу отца в колоссальную промышленную монополию, замкнув на себе поставки уникального сплава для всей галактики. Сенаторы, которые раньше отдавали ему приказы, теперь заискивающе заглядывали ему в рот, пытаясь выбить скидку на металл.

Первое время Вэйру казалось, что он справился. Он внушил себе, что мир — это просто другая война. Война без выстрелов, где вместо клинков используют контракты и законы.

Он жестоко ошибался.

На одном из пафосных светских приемов в Ауруме к нему подошел молодой, холеный промышленник с бокалом дорогого игристого вина. Громко, с наглой усмешкой, он отпустил колкость в адрес «отставного генерала, который возомнил себя хозяином рынка». Вэйр не ответил. Он лишь медленно перевел на него взгляд своих изумрудных глаз. Наглец осекся, побледнел и поспешно ретировался в толпу.

А Вэйр остался стоять, чувствуя, как глубоко внутри просыпается что-то тяжелое, горячее и слишком хорошо знакомое. Он смотрел на беззащитную, тонкую шею этого человека и отчетливо представлял, с каким звуком она хрустнет, если сжать ее ладонью. Одно короткое движение. Никаких судов, никаких акций и переговоров. Просто хруст — и проблема решена.

В тот вечер он сдержался. Допил коньяк и молча уехал в свое уединенное поместье.

Но именно тогда генерал-майор Кэлдор окончательно понял: зверь внутри него не погиб. Мир лишь усыпил его на время. И этот хищник просыпался каждый раз, когда кто-то говорил слишком нагло, смотрел слишком вызывающе или просто оказывался слишком близко.

Вэйру не нужен был покой. В мире он медленно задыхался. Ему требовалась новая война — и он собирался найти врага, которого будет не жалко сжечь дотла.

Глава 7. Зов в пустоте

Камин в гостиной Инфинитума горел ровно, бросая багровые отсветы на темные дубовые панели и кожаные переплеты старых книг. Из скрытых динамиков едва слышно лился ноктюрн Шопена — тягучий, меланхоличный, создающий иллюзию абсолютного покоя.

Вэйр сидел в глубоком кресле, лениво покачивая в руке бокал с янтарным коньяком. Первое Гнездо было уничтожено, Королева Мерита превратилась в прах на полу собственного

тронного зала, а ее Пряхи разнесли весть о Вэйре по всей галактике. Зверь внутри получил долгожданную кровь, но голод Пустоты, поселившийся в нем, так и не утих.

Вглядываясь в танцующие языки пламени, Вэйр невольно возвращался мыслями назад — к тому самому дню, который навсегда лишил его шанса на нормальную, мирную жизнь. К дню, когда он обрёл своё страшное проклятие.

Это случилось через три года после его отставки, когда удушающий покой Аурума стал совсем невыносим. Тогда Вэйр еще не владел огромной промышленной монополией и не умел открывать разломы реальности. Он просто бежал от людей в глухой, мертвый сектор космоса на своем старом армейском крейсере, надеясь, что ледяное одиночество заглушит его воспоминания о войне. Он дрейфовал в той глуши несколько дней, пока пустота не догнала его.

Там, среди кромешной темноты, радары его крейсера взвыли впервые. Из пространственной складки вынырнули два чужих корабля — хищные, стремительные, покрытые наслоениями темного хитина, с крыльями-лезвиями. Это не были аппараты известных рас. Они двигались без сигналов и радиообмена — как безмолвные гончие, охраняющие чью-то запретную зону.

Нападение безликих врагов пробудило в отставном генерале спавшего хищника. Вэйр не стал спрашивать, кто они. Умело маневрируя, он бросил корабль на перехват. Скользнув под брюхо ведущего флагмана, Вэйр активировал лазерные резаки. Корпус чужака лопнул, выплеснув ядовито-зеленую плазму. Второй корабль пошел на таран, но Вэйр поймал его на противоходе, точным залпом разнеся двигательный отсек. Хитиновые обломки беззвучно закружились в темноте.

И именно в ту секунду, среди дымящихся останков врагов, он впервые услышал этот зов.

«Вэйр…»

Голос прозвучал не в наушниках. Он зашелестел прямо в черепной коробке — глубокий, тяжелый, словно поднимающийся со дна колодца, который был старше самой галактики.

«Вэйр… твоя тьма звенит в пустоте, как колокол. Я слышал её за тысячи световых лет. Иди на мой след. Открой глаза».

Перед его кораблем соткалась тонкая серая линия, похожая на трещину в грязном стекле. Повинуясь интуиции, Вэйр направил судно по этой траектории.

След привёл его к аномалии. В абсолютном вакууме парил монументальный трон, высеченный из матового монолита. На нём восседало существо, выглядевшее как человек, но пугавшее своей идеальной, мертвой симметрией. Лицо без единой морщины, а вместо глаз — два гладких серых камня без зрачков и белков. Словно безупречная статуя, которую забыли оживить.

«Ты пришёл, — раздался ментальный вздох. — Я — Древний. Это не имя, а бремя. Я был первым, кто открыл глаза в этой галактике. Я видел, как зажигаются и гаснут миллиарды звёзд. Я прожил больше миллиона лет. И теперь я умираю».

Вэйр тогда не шелохнулся, лишь крепче сжал рукоять меча.

— Я давно отвык бояться, — глухо произнес он тогда.

«Знаю, — Древний слегка наклонил голову. — Ты пуст, Вэйр Кэлдор. Но твоя тьма — это не рана от войны. Это твоя истинная природа. Ты родился таким, чтобы стать сосудом. Я боюсь не смерти, я боюсь забвения и того, что галактика сломается, когда меня не станет. Моя сила — это не магия и не технологии. Это Понимание. Я вижу трещины реальности, могу складывать пространство и, главное, — я умею размыкать связи. Любые ментальные, биологические и энергетические узы, держащие этот мир вместе. Ты станешь моей печатью».

Существо поднялось, и его тело начало струиться тусклым, пепельным светом, поглощающим остатки пространства.

«Смотри мне в глаза. Не смей отводить взгляд».

Вэйр подчинился. В то же мгновение его разум взорвался от боли и осознания. В его голове, будто древний пергамент, развернулась колоссальная ментальная карта — вселенская сеть разломов, сгибов и швов реальности. Он физически почувствовал, как может шагать сквозь эти трещины, минуя стандартное пространство. И одновременно в его суть влилась страшная способность — ощущать чужие жизненные узы и рвать их одним прикосновением, оставляя от живых существ лишь серый прах.

Тело Древнего стремительно распадалось, превращаясь в вихрь серого пепла, который неодержимо впитывался в глаза и легкие Вэйра.

«Ты не поймёшь до конца, для чего тебе это дано, пока не встретишь тех, кто биологически не должен держаться вместе... Они паразитируют на ткани бытия. Они уже идут за тобой. Когда встретишь их — разомкни их связь. Не подведи меня…»

Свет погас. Вэйр очнулся тогда на мостике своего старого крейсера, тяжело дыша. Но приборы больше не сходили с ума — теперь он сам был главным прибором этой галактики. На его ладонях впервые проступили багровые вены новой силы, а в пространстве перед кораблем послушно разошелся первый в его жизни Разлом. Позже эти знания и отцовские секреты работы со сталью помогли ему выковать уникальный зеркальный корпус «Спирали» — корабля, способного скользить сквозь швы реальности.

Вэйр сделал последний глоток коньяка, возвращаясь из глубин памяти обратно в уютную гостиную Инфинитума. Музыка Шопена стихла. Он посмотрел на свои пальцы. Древний был прав. Виталы — вот те, кто «не должен держаться вместе». Раса паразитов, продлевающая свое бессмертие за счет противоестественного высасывания чужих жизней. Они были идеальной мишенью для его силы.

Он не был один. И никогда не был.

За годы войны у него осталось то, чего не отобрала отставка и не смогли вытравить годы мирной жизни, — люди. Настоящие. Те, кто шёл за ним не по приказу, а потому что верил. Маркус Рейн, который теперь вёл его дом и знал о нём больше, чем любой сенатор. Тэсса Коррин, которая держала завод крепче, чем иной генерал держит фронт. Орн, который проверял периметр усадьбы каждое утро, хотя Вэйр сто раз говорил ему, что это лишнее. Они были здесь, в Инфинитуме, — его якорь, его тыл.

Но Инфинитум был не единственной точкой на карте.

Вэйр поднялся из кресла и подошёл к стене, где за панелью из тёмного дуба скрывался терминал дальней связи. Он коснулся панели, и та бесшумно отъехала в сторону. На экране вспыхнула карта — не галактики, а его собственной сети. Точки. Десятки точек. Разбросанные по разным системам, по разным планетам, по разным расам.

Он был генералом не потому, что умел отдавать приказы. Он был генералом потому, что умел находить людей, на которых можно положиться, — и не терять их после войны.

На Ауруме у него был старый товарищ — полковник в отставке, который теперь возглавлял городскую стражу. Не друг в полном смысле слова — они никогда не пили вместе, — но человек, который был обязан Вэйру жизнью и помнил это. На Кеф-Аране, в торговом узле на границе сектора, держал лавку бывший интендант его армии — тот самый, который в войну умудрялся находить провизию там, где её не было, и теперь делал то же самое с информацией. На нескольких окраинных планетах жили ветераны его батальонов — кто фермером, кто инженером, кто начальником порта. Они не носили форму. Они не подчинялись приказам. Но если Вэйр Кэлдор просил — они отвечали.

Он не строил армию. Он строил сеть. И эта сеть была старше его нынешней жизни, старше монополии, старше даже встречи с Древним. Она была единственным, что он по-настоящему унёс с войны.

Вэйр провёл пальцем по экрану, и несколько точек вспыхнули ярче. Он не стал активировать связь. Пока рано. Но он знал: если начнётся настоящая охота, они найдут не одинокого

промышленника с двумя мечами. Они найдут генерала, у которого есть тыл, есть глаза и уши в десятке систем и есть люди, которые не отступятся.

Он закрыл терминал. Панель вернулась на место, и гостиная снова стала просто гостиной — с камином, роялем и запахом старой кожи.

Вэйр вернулся в кресло. Взял графин, налил ещё немного коньяку. Не потому, что хотел пить. Потому что это было правильно.

— Они думают, что я один, — сказал он тихо, глядя на огонь. — Пусть думают.

Он сделал глоток. Шопен давно стих, и в доме было тихо — той особенной тишиной, которая бывает только там, где тебя ждут и где тебе ничего не угрожает. Пока.

Глава 8. Тишина внутри

Утро в Инфинитуме начиналось с тумана.

Вэйр вышел из дома, когда солнце ещё не поднялось над соснами, и туман лежал на траве плотным, белым одеялом. Маркус уже ждал у машины — с термосом в руках и выражением лица, которое говорило: «Я знал, что вы поедете, поэтому приготовился».

— К Рею? — спросил он, протягивая термос.

— К Рею, — Вэйр взял термос. — К обеду вернусь.

— Не вернётесь, — Маркус чуть склонил голову. — Вы никогда не возвращаетесь к обеду, когда едете к Рею.

Вэйр усмехнулся и сел за руль. Машина выехала за ворота, и туман сомкнулся за ней, как вода.

Рей жил на окраине Аурума — в старом районе, где дома были низкими, а улицы узкими, и где никто не задавал вопросов. Его двор был обнесён высокой стеной из тёмного камня, и за ней начинался сад — запущенный, но живой. Яблони, вишни, старый колодец. И дом — приземистый, с широкими окнами и дверью, которая всегда была открыта.

Вэйр оставил машину у ворот и прошёл внутрь. Рей ждал его на веранде — сидел в плетёном кресле, пил чай и смотрел, как туман поднимается над яблонями. Он был старым. Очень старым. Кожа — как пергамент, волосы — седые, почти белые, глаза — выцветшие, но острые. Он не был генералом и не был солдатом. Он был учителем. Таким же, как когда-то учил Вэйра держать молот — только теперь учил держать разум.

— Ты опоздал, — сказал Рей, не оборачиваясь. — На семь минут.

— Туман, — ответил Вэйр.

— Туман — это отговорка. Ты просто не хотел приходить.

Вэйр сел напротив него. Рей налил ему чай — без слов, без вопросов. Они сидели молча, пока туман не начал редеть.

— Ты напряжён, — сказал Рей наконец. — Сильнее, чем обычно. Что-то случилось.

— Случилось, — Вэйр сделал глоток. — Но не то, о чём я хочу говорить.

— А о чём ты хочешь говорить?

— О контроле.

Рей поднял на него выцветшие глаза.

— О контроле, — повторил он. — Ты пришёл ко мне три года назад и сказал, что не можешь спать. Что твои мысли быстрее, чем ты. Что ты чувствуешь чужие жизни на расстоянии, которого не должно быть. Я учил тебя дышать. Я учил тебя молчать. Я учил тебя слушать тишину внутри себя. И ты научился. Так что случилось сейчас?

Вэйр поставил чашку.

— Я стал сильнее. И это пугает.

Рей не удивился. Он вообще редко удивлялся.

— Сила не пугает, — сказал он. — Пугает то, что ты не понимаешь, откуда она. Садись. Закрывай глаза. Дыши.

Они занимались в саду, под яблонями. Рей сидел напротив Вэйра на деревянной скамье и говорил тихо, ровно, как говорил всегда:

— Вдох. Глубже. Не грудью — животом. Чувствуй, как воздух входит и выходит. Не думай о нём. Просто чувствуй. Теперь слушай. Не ушами. Слушай внутри. Найди ту точку, где твои мысли начинаются. Не пытайся их остановить. Просто смотри на них, как на облака. Они приходят и уходят. Ты — небо. Они — облака.

Вэйр дышал. Он делал это тысячи раз. Он умел останавливать мысли, умел слушать тишину, умел чувствовать своё тело изнутри. Но сегодня что-то было не так.

Сегодня тишина внутри него была не пустой.

Он почувствовал её почти сразу — как только закрыл глаза и отпустил мысли. Она была там, в глубине, за слоями дыхания и концентрации. Не мысль. Не чувство. Что-то другое. Что-то, что ждало.

Вэйр открыл глаза.

— Рей. Я что-то чувствую.

— Что именно?

— Не знаю. Что-то... внизу. Под мыслями. Оно не моё.

Рей наклонил голову набок.

— Ты уверен, что оно не твоё?

— Уверен.

— Тогда не пытайся его трогать, — сказал Рей. — Ты пришёл учиться контролю, а не открывать двери, которые не понимаешь. Наблюдай. Не вмешивайся.

Вэйр снова закрыл глаза. Он сделал, как сказал Рей — не стал тянуться к этому чувству, просто смотрел на него, как на облако. Но облако не уходило. Оно становилось ближе.

И тогда он почувствовал его. Не через кожу. Не через пальцы. Через что-то другое — то, что было внутри. Он почувствовал, как это чувство тянется к его руке. Не к мышцам. К чему-то глубже. К тому самому месту, где он когда-то почувствовал силу Древнего — там, в мёртвом секторе, когда пепел впитался в его глаза и лёгкие.

Он открыл глаза и посмотрел на свою правую руку.

На ладони, под кожей, проступили тонкие багровые линии — как вены, только ярче. Они пульсировали. И в этот момент Вэйр понял: это не просто сила. Это карта. Ментальная карта, которую Древний вложил в него. Разломы. Швы. Трещины реальности — все они были здесь, внутри него, и теперь они просыпались.

Он сжал руку в кулак — и почувствовал, как воздух вокруг него на мгновение стал плотнее. Как будто реальность на секунду заколебалась. Яблоня над его головой тихо зашелестела, хотя ветра не было.

Рей смотрел на него. В его выцветших глазах не было страха. Только любопытство.

— Ты что-то сделал, — сказал он. Это был не вопрос.

— Я не знаю, — честно ответил Вэйр. — Я не знаю, что это.

Он разжал кулак. Багровые линии медленно погасли, уходя обратно под кожу. Воздух снова стал обычным. Яблоня затихла.

— Это твоя сила? — спросил Рей.

— Часть её, — Вэйр посмотрел на свою ладонь. — Но я думал, что знаю о ней всё. Оказывается, нет.

Рей откинулся на спинку скамьи.

— Тогда, — сказал он, — тебе придётся учиться заново. Не у меня. У себя. Я могу научить тебя дышать и слушать тишину. Но то, что ты сейчас показал, — это не тишина. Это дверь. И ты ещё не знаешь, что за ней.

Вэйр кивнул. Он думал о Древнем — о его словах, о его пепле, о том, как тот впитался в него. Древний говорил о Понимании. О том, что Вэйр станет его печатью. Но он не сказал, что

печать будет расти. Что сила будет открываться слой за слоем. Что однажды Вэйр обнаружит в себе то, о чём Древний даже не упомянул.

— Рей, — сказал он тихо. — Ты когда-нибудь чувствовал, что внутри тебя есть что-то, чего ты не понимаешь?

Старик усмехнулся.

— Каждый день, Вэйр. Каждый день.

Он встал и пошёл в дом. Вэйр остался сидеть под яблоней, глядя на свою руку. Багровые линии больше не проступали. Но он знал, что они там. Ждут.

Он думал о Древнем. О том, что тот сказал и о том, что не сказал. И впервые за долгое время Вэйр Кэлдор, генерал в отставке, промышленник, охотник, — почувствовал себя учеником.

Глава 9. Три планеты

Звонок пришёл вечером, когда Вэйр сидел в мастерской.

Он стоял у горна, держал в руках молот и смотрел, как металл на наковальне медленно остывает. Багровый свет ложился на стены, и в этом свете его руки казались чужими — слишком гладкими для человека, который провёл половину жизни в окопах.

Терминал в углу мастерской тихо пискнул. Один раз. Потом второй.

Вэйр опустил молот. Этот сигнал он знал. Он не пользовался им годами — с тех пор, как закончилась война.

Он подошёл к терминалу и коснулся панели. На экране вспыхнуло лицо — немолодое, обветренное, с глубокими морщинами у глаз и шрамом, который пересекал левую бровь. Даран Вейл. Бывший капитан, бывший командир разведроты, бывший человек, которому Вэйр доверял больше, чем себе.

— Вэйр, — сказал Даран, и его голос был хриплым. — Прости, что так поздно. У меня не было выбора.

— Говори, — Вэйр сел на табурет у верстака. — Что случилось?

Даран сделал паузу. На его лице было что-то, чего Вэйр не видел давно, — не страх, а усталость. Та усталость, которая бывает у человека, который слишком долго держится.

— Три планеты, — сказал Даран. — Кеф-Мор, Талла и Ринн. Окраина. Никому не нужные, кроме тех, кто на них живёт. Ты помнишь их?

Вэйр помнил. Шесть лет назад, когда он только начинал строить сеть, он помог этим планетам — не оружием, а ресурсами. Прислал сплав для укреплений, оплатил ремонт орбитальных станций, договорился о поставках продовольствия. Тогда он ещё не убивал Королев. Тогда он просто пытался быть полезным.

— Помню, — сказал он. — Что с ними?

— Их терроризирует фракция, — Даран произнёс это слово с отвращением. — Называют себя «Красным Пределом». Не знаю, откуда они взялись. Может, из-за границы сектора. Может, просто выродки, которые нашли оружие. У них корабли — не такие, как у нас. Быстрые. И солдаты — не наёмники. Они воюют так, как будто им нечего терять.

Он замолчал, и Вэйр увидел, как его рука на секунду сжалась в кулак.

— Они требуют ресурсы. Каждую неделю. Руду, топливо, воду. Всё, что у них есть. Если планеты не платят — они сжигают поселения. Не города — поселения. Маленькие. Те, где живут фермеры, шахтёры, дети.

Вэйр молчал.

— Кеф-Мор уже заплатил, — продолжил Даран. — Дважды. Талла отказалась — они сожгли три деревни. Ринн пыталась сопротивляться — они уничтожили их единственный корабль. Это не война, Вэйр. Это грабёж. И они не остановятся.

— Почему ты звонишь мне, а не в сенат? — спросил Вэйр.

Даран усмехнулся. Горько.

— Потому что сенат не станет помогать окраинам. Ты сам это знаешь. Для них Кеф-Мор — это строчка в отчёте. А для меня — это люди, которые шесть лет назад получили твой сплав и построили стены, которые их до сих пор защищают. Они просили именно тебя. Не сенат. Тебя.

Вэйр поднялся с табурета. Подошёл к окну мастерской. За стеклом темнели сосны, и небо было чистым — ни облака, ни звезды.

— Я не генерал, — сказал он тихо. — Я в отставке.

— Я знаю, — ответил Даран. — Но ты — Кэлдор. И этого достаточно.

Вэйр молчал долго. Он думал о том, что Инфинитум в безопасности. Что его сеть работает. Что у него есть дом, завод, люди, коньяк и Шопен. Что он мог бы сказать «нет» и остаться в тёплой гостиной.

А потом он подумал о том, что где-то там, на окраине, люди, которым он когда-то помог, смотрят в небо и ждут, когда придут корабли «Красного Предела».

— Где они? — спросил он.

— Кеф-Мор. — Даран выдохнул, и в этом выдохе было что-то похожее на облегчение. — Я там. Жду тебя.

— Я буду через два дня, — сказал Вэйр. — Собери всё, что знаешь. Каждую деталь. Каждый корабль. Каждого командира.

— Сделаю, — Даран кивнул. — Вэйр... спасибо.

— Не благодари, — Вэйр отключил связь.

Он постоял секунду, глядя на погасший экран. Потом развернулся и вышел из мастерской.

В доме было тихо. Маркус уже спал — или делал вид, что спит. Орн был где-то на периметре.

Вэйр поднялся в свою комнату, открыл шкаф и достал не костюм. Не деловой. Другое.

Багровый боевой костюм — не ткань, а нечто среднее между бронёй и кожей, — лежал на дне шкафа, завёрнутый в тёмную ткань. Вэйр развернул его. Материал слабо пульсировал, как живой. Он не надевал его с тех пор, как убил Мериту.

Он надел его сейчас.

Костюм сел по фигуре, как вторая кожа. Багровые линии на руках вспыхнули ярче — сила Древнего отозвалась на прикосновение. Вэйр посмотрел в зеркало. Человек, который смотрел оттуда, был не промышленником. И не генералом в отставке.

Это был охотник.

Он спустился вниз, прошёл через гостиную — мимо рояля, мимо камина, мимо графина с коньяком, — и вышел на крыльцо. Ночь была прохладной. Пахло соснами.

За домом, в ангаре, ждала «Спираль».

Вэйр шагнул в темноту.

«Спираль» поднялась с площадки бесшумно.

Не было ни рёва двигателей, ни вибрации, которая отдаётся в костях. Только лёгкий толчок — и земля ушла вниз, а сосны стали игрушечными, а потом и вовсе растворились в темноте. Вэйр сидел в кресле пилота, положив руки на холодные подлокотники, и смотрел, как Инфинитум уменьшается в панорамном окне — изумрудный шар, окутанный белыми завитками облаков, с тёмными пятнами лесов и серебряными нитями рек.

Он не чувствовал сожаления. Только холодную, собранную пустоту — ту самую, которая всегда приходила перед боем.

Корабль поднимался выше. Небо меняло цвет: из чёрного — в тёмно-синий, потом в фиолетовый, потом в абсолютный, бездонный чёрный. Звёзды проступали одна за другой, сначала робко, потом всё ярче, пока не превратились в плотную, сверкающую стену. Инфинитум

стал ещё меньше — голубовато-зелёной точкой, которая дрожала на краю, а потом и вовсе исчезла.

Вэйр коснулся панели управления. На экране вспыхнула карта. Точки, линии, маршруты. Кеф-Мор был на окраине, у самой границы обжитого сектора, — маленькая точка, окружённая пустотой.

Он задал курс. «Спираль» отозвалась — тихо, почти нежно. Корпус, зеркальный, поглощающий свет, слегка задрожал, и двигатели — не «Разрывы», не плазменные резаки, а что-то другое, бесшумное, — начали набирать мощность.

Корабль скользнул вперёд.

Здесь, в его собственной галактике, звёзды были другими: тёплыми, знакомыми, как старые друзья. Он знал их названия. Знал, какие планеты вращаются вокруг них. Знал, где находятся торговые пути, где — пиратские ловушки, где — мёртвые зоны, в которых не работает связь.

«Спираль» шла ровно. Не быстро — Вэйр не любил спешить. Он давал себе время подумать.

За окном проплывали газовые гиганты — огромные, полосатые, с кольцами из льда и камня. Проплывали астероидные поля — тёмные, изрытые кратерами глыбы, которые медленно вращались в пустоте, как обломки древней битвы. Проплывали туманности — далёкие, разноцветные, как разлитые чернила: фиолетовые, багровые, изумрудные. Вэйр смотрел на них и думал о том, что где-то там, за этими туманностями, за этими звёздами, лежит другая галактика. Галактика Виталов.

Он не думал о ней сейчас. Сейчас он думал о Кеф-Море.

Корабль шёл сквозь пустоту, и тишина вокруг была абсолютной. Не мёртвой — просто тихой. Вэйр любил эту тишину. В ней не было ни приказов, ни сенаторов, ни Королев. Только он, звёзды и холодный, чистый свет.

Он включил музыку. Не Шопена — что-то другое. Старое, тяжёлое, с низкими струнами и медленным ритмом. Музыка, под которую он когда-то вёл своих людей в бой. Она заполнила мостик, и Вэйр закрыл глаза.

Перед ним возникло лицо Дарана. Шрам через бровь. Усталые глаза. Голос, который сказал: «Они просили именно тебя».

Вэйр открыл глаза. Посмотрел на карту. До Кеф-Мора оставалось ещё двенадцать часов.

Он откинулся в кресле и стал ждать.

Кеф-Мор появился в окне через двенадцать часов — маленький, серый, покрытый облаками цвета старого свинца.

Вэйр увидел его издалека и сразу понял: что-то не так. Планета выглядела мёртвой. Не как Инфинитум, который светился жизнью даже из космоса, — а как тело, из которого выпили кровь. Тёмные пятна на поверхности были не лесами и не морями. Это были выжженные участки. Следы пожаров, которые никто не тушил.

Ему было сорок семь лет. Он поймал себя на мысли, что за последние три года видел слишком много таких планет. Раньше — в войну — он смотрел на них как на работу. Теперь — как на раны. Разница была небольшой, но она была.

«Спираль» вошла в атмосферу. Корабль прошёл сквозь облака и завис над долиной, где среди серых холмов стоял город. Не большой — десятка три зданий, приземистых, из камня и металла. Вокруг — стены. Не высокие, но крепкие. Вэйр узнал сплав. Тот самый, который он прислал сюда шесть лет назад.

Стены держались. Пока.

Корабль сел на площадку за городом. Вэйр спустился по трапу и сразу почувствовал запах — гарь. Не свежая, а застарелая, въевшаяся в землю. Так пахнет после пожара, который давно потушили, но который никто не забыл.

Даран ждал его у ворот.

Он был таким же, как на экране, — обветренным, усталым, со шрамом через бровь. Но вблизи Вэйр увидел то, чего не передал терминал: мешки под глазами, седину, которой раньше не было, и руки, которые слишком крепко сжимали ремень бластера.

Они обнялись. Крепко, молча, как обнимаются люди, которые слишком долго не виделись и слишком много пережили порознь.

— Спасибо, что пришёл, — сказал Даран, отстраняясь.

— Не благодари, — Вэйр посмотрел на него. — Показывай.

Они прошли через ворота. Город был тихим. Слишком тихим. На улицах почти никого не было — только несколько человек, которые смотрели на Вэйра с опаской и надеждой одновременно. Женщина с ребёнком на руках отвела взгляд. Старик у стены кивнул, но ничего не сказал.

— Они боятся, — тихо сказал Даран. — Не тебя. Их. Каждую неделю ждут, что придут корабли. Каждую неделю молятся, чтобы не пришли.

— Сколько их было? — спросил Вэйр.

— Три налёта за последние два месяца. Первый — на Кеф-Мор. Они сожгли три склада и забрали всё, что было. Второй — на Таллу. Там они сожгли деревни. Третий — на Ринн. Там они уничтожили корабль. Единственный, который у них был.

Он остановился у здания, которое служило ему штабом. Внутри было просто: стол, карта на стене, несколько стульев. На карте были отмечены три планеты — Кеф-Мор, Талла и Ринн — и красные линии, которые тянулись откуда-то из-за границы сектора.

— Вот здесь они базируются, — Даран ткнул пальцем в пустое место на карте. — Мы не знаем точно. Но их корабли приходят оттуда. Быстрые. Манёвренные. Не такие, как наши.

— Сколько кораблей?

— Три. Может, четыре. Но они не просто корабли. Они — как хищники. Они не вступают в бой, если не уверены в победе. Они атакуют, забирают, что хотят, и уходят. Мы пытались их перехватить — потеряли два корабля.

Вэйр подошёл к карте. Посмотрел на красные линии. Потом на Дарана.

— Мне нужно увидеть их корабли, — сказал он. — И их командира.

— Их командира никто не видел, — Даран покачал головой. — Они не выходят на связь. Они не ведут переговоров. Они просто приходят и берут.

— Значит, придётся заставить их выйти, — Вэйр повернулся к нему. — Сколько у тебя людей?

— Тридцать. Может, сорок. Не солдаты — ополчение. Фермеры, шахтёры, те, кто умеет держать оружие.

— Этого мало, — Вэйр посмотрел на карту. — Но достаточно, если мы сыграем правильно.

Он провёл пальцем по красным линиям.

— Они приходят каждую неделю. Значит, следующий налёт — через несколько дней. Мы встретим их здесь.

Он ткнул пальцем в точку на карте — маленькую станцию на орбите Кеф-Мора.

— Это их первый шаг. Они всегда начинают с орбиты. Если мы перехватим их там, они не дойдут до планеты.

Даран смотрел на него. В его глазах было что-то, чего не было раньше, — надежда.

— Ты уверен, что это сработает?

Вэйр поднял на него глаза. Изумрудные. Спокойные. Холодные.

— Нет, — сказал он. — Но это лучше, чем ждать.

Глава 10. Час

Через час Вэйр поднял «Спираль» в космос.

Он не стал ждать. Не стал разбирать вещи, не стал пить чай в штабе Дарана, не стал слушать, как ополченцы обсуждают, где лучше поставить турели. Он просто вышел из штаба, поднялся на борт и ушёл в небо.

Даран остался внизу — с ополчением, с картой, с людьми, которые смотрели на него и ждали приказа. Вэйр знал, что он справится. Даран всегда справлялся. Он был из тех, кто держится до конца, даже когда конца не видно.

«Спираль» вышла на орбиту и зависла над Кеф-Мором. Внизу медленно вращалась серая планета — выжженные пятна, тонкие нити рек, тусклые огни города. Вокруг — пустота. Чёрная, холодная, тихая. Та самая пустота, в которой «Красный Предел» появлялся из ниоткуда и уходил в никуда.

Вэйр сидел в кресле пилота и смотрел на экран. На нём было три точки — Кеф-Мор, Талла и Ринн. И красные линии, которые тянулись от них к пустому месту на карте. Месту, где, по словам Дарана, базировался «Красный Предел».

Он не знал, сколько ждать. Может, час. Может, день. Может, неделю. Но он знал, что они придут. Они приходили каждую неделю. И следующий налёт должен был случиться скоро.

Вэйр откинулся в кресле. Закрыл глаза. Дышал.

Внутри него что-то шевельнулось — то самое, что он почувствовал у Рея. Багровые линии под кожей. Карта разломов. Сила Древнего, которая ждала.

Он не стал её трогать. Не сейчас. Сначала — перехват. Потом — разберётся.

Прошло два часа. Потом три. Потом пять.

Вэйр не спал. Он сидел в кресле, смотрел на экран и слушал тишину. В этой тишине не было ни приказов, ни сенаторов, ни обязательств. Только он, звёзды и холодный, чистый свет.

А потом экран мигнул.

Три точки. Маленькие, быстрые, с хищными обводами. Они вышли из пустоты — там, где не было ни планет, ни станций, — и взяли курс на Кеф-Мор.

«Красный Предел».

Вэйр открыл глаза. Посмотрел на экран. Потом на свои руки. Багровые линии под кожей вспыхнули — ярче, чем обычно. Сила Древнего отозвалась на близость боя.

Он поднял «Спираль» с орбиты и повёл её на перехват.

«Спираль» была не просто кораблём. Она была домом, крепостью и оружием одновременно.

Вэйр знал каждый её уголок. Знал, как скрипит палуба в коридоре у медицинского отсека, как пахнет металл в трюме, как светятся багровые линии на пульте, когда двигатели набирают мощность. Он построил её сам — не руками, но по его чертежам, по его расчётам, по его представлению о том, каким должен быть корабль для одного человека, который привык воевать.

Но «Спираль» могла вместить не только его.

Восемь человек. Восемь кают, восемь кресел на мостике, восемь комплектов боевой брони в оружейной. Вэйр не часто брал кого-то на борт — за три года лишь несколько раз, — но корабль был готов. Всегда готов. На случай, если понадобится команда. На случай, если он найдёт людей, которым сможет доверять так же, как Дарану. На случай, если одиночество перестанет быть выбором.

Пока что он летал один. Но «Спираль» ждала.

Три корабля «Красного Предела» шли к Кеф-Мору, и Вэйр видел их на экране — маленькие, быстрые, с хищными обводами. Они не сворачивали. Не меняли курс. Они просто шли вперёд, как будто не замечали «Спираль», висящую на орбите.

Вэйр коснулся панели связи. На этот раз он включил видео.

Экран мигнул, и на нём появилось лицо. Немолодое, обветренное, с глубокими морщинами у глаз и шрамом, который пересекал левую бровь. Командир «Красного Предела» смотрел на Вэйра с холодным любопытством.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Генерал Кэлдор, — ответил Вэйр. — Вэйр Кэлдор. Ты, может, слышал.

Командир молчал. Потом его глаза сузились.

— Слышал, — сказал он. — Ты был на войне. Говорят, ты умел побеждать.

— Говорят, — Вэйр чуть склонил голову. — Я не воюю с теми, кто не представляет угрозы. Эти планеты — под моей защитой. Я предлагаю вам развернуться и уйти. Сейчас. Пока у вас есть такая возможность.

Тишина. Командир смотрел на него, и на его лице было что-то, чего Вэйр не ожидал, — не страх, а расчёт. Он думал.

— Мы не уйдём, — сказал он наконец. — Эти планеты должны нам. Они не платят. Мы берём то, что принадлежит нам по праву.

— По праву? — Вэйр усмехнулся. Холодно. — Ты приходишь на планету, сжигаешь деревни и называешь это правом? Ты забираешь у людей последнее и говоришь, что они должны? Нет. Это не право. Это грабёж.

Командир не ответил. Экран мигнул — и погас.

Вэйр посмотрел на карту. Три корабля «Красного Предела» не развернулись. Не ушли. Они просто зависли в космосе — в нескольких тысячах километров от «Спирали», — и не двигались ни вперёд, ни назад. Как будто ждали.

Вэйр молчал. Потом наклонил голову набок и снова включил связь.

— Ну ждите, — сказал он спокойно. — Гостя.

Тишина. Корабли не двинулись.

Вэйр откинулся в кресле и стал ждать. Он не открывал огонь. Не угрожал. Он просто смотрел на три точки на экране и думал о том, что командир «Красного Предела» — не дурак. Он не ушёл, но и не напал. Он ждал, что Вэйр сделает первым.

Значит, игра началась.

Прошёл ещё час.

Три корабля «Красного Предела» не ушли. Они висели в пустоте — тёмные, неподвижные, как хищники, затаившиеся перед прыжком. Вэйр смотрел на них через панорамное окно и понимал: они не собираются уходить. Они ждут. Может, подкрепления. Может, приказа. Может, просто ждут, когда он сделает первый шаг.

Он не стал делать первый шаг.

Он сделал другой.

Вэйр поднялся из кресла. Прошёл в оружейную — не за костюмом, тот был на нём с самого вылета с Инфинитума, — а за мечами. Два багровых клинка в ножнах из тёмной кожи. Он закрепил их на поясе. Багровые линии под кожей вспыхнули ярче — сила Древнего отозвалась на его решение.

Он закрыл глаза. Сосредоточился. Внутри него, глубоко, за слоями дыхания и мыслей, шевельнулась та самая карта разломов — швы реальности, трещины, которые видел только он. Он нашёл нужную. Одну из многих. Ту, что вела на борт флагмана «Красного Предела».

Он шагнул в пустоту.

Реальность разошлась перед ним, как занавес. Не Разрыв — разлом. Тихий, почти нежный. Вэйр шагнул сквозь него и оказался в другом месте.

На мостике флагмана «Красного Предела».

Он появился из ниоткуда — просто возник в центре зала, между пультами и креслами, — и стоял неподвижно, заложив руки за спину, с лёгкой, едва заметной улыбкой на губах.

На мостике было пятеро. Командир — тот самый, со шрамом через бровь, — сидел в кресле пилота. Остальные — трое мужчин и одна женщина в тёмной форме — стояли у пультов. Все они обернулись одновременно.

Тишина.

Вэйр посмотрел на них. На командира. На его людей. На их лица — бледные, напряжённые, с широко раскрытыми глазами. Он не двинулся с места. Не потянулся к мечам. Просто стоял и улыбался.

— Что будем делать, господа? — спросил он спокойно.

Командир медленно поднялся из кресла. Его рука дёрнулась к бластеру на поясе — но не коснулась его. Он смотрел на Вэйра, и в его глазах было что-то, чего Вэйр не видел раньше. Не страх. Не злость. Что-то среднее.

— Как ты здесь оказался? — спросил он тихо.

— Пришёл, — ответил Вэйр. — Вы не ушли. Я решил, что нам нужно поговорить лично.

Женщина у пульта сделала шаг назад. Один из мужчин потянулся к оружию. Вэйр не пошевелился.

— Не надо, — сказал он, и его голос был ровным, почти нежным. — Я не пришёл драться. Если бы я хотел вас убить, вы бы уже были мертвы. Я пришёл поговорить.

Командир молчал. Потом медленно опустил руку.

— О чём? — спросил он.

Вэйр сделал шаг вперёд. Его багровый костюм пульсировал в такт с его сердцебиением, и казалось, что сам воздух вокруг него становится тяжелее.

— О том, что вы делаете, — сказал он. — О том, зачем вы это делаете. И о том, что будет дальше.

Он остановился в центре мостика и обвёл взглядом всех пятерых.

— Я слушаю, — сказал он. — Убедите меня, что вы не просто грабители. Убедите меня, что у вас есть причина. И, может быть, я дам вам шанс.

Вэйр стоял в центре мостика и ждал.

Флагман «Красного Предела» был больше «Спирали». Значительно больше. Не огромный, как корабли, которые он видел в чужих галактиках, но достаточно большой, чтобы вмещать экипаж в сотню человек, трюмы с оружием и двигатели, которые позволяли ему исчезать из пустоты быстрее, чем любой корабль его галактики. Мостик был просторным — десятка три пультов, кресла пилотов, голографическая карта сектора в центре зала. Стены — тёмный металл, без единого окна. Только экраны. Только холодный, искусственный свет.

Вэйр стоял в этом свете и улыбался.

Командир со шрамом смотрел на него. Медленно. Оценивающе. Потом его рука всё-таки коснулась бластера на поясе.

— Ты думаешь, что можешь прийти на мой корабль и диктовать мне условия? — спросил он тихо.

— Нет, — ответил Вэйр. — Я думаю, что могу прийти на твой корабль и предложить тебе выбор. Это разные вещи.

Командир усмехнулся. Холодно.

— У меня есть выбор, — сказал он. — Убить тебя.

Он поднял руку. И щёлкнул пальцами.

Двери на мостике распахнулись одновременно — все четыре. Из коридоров хлынули бойцы. Десять. В тёмной броне, с бластерами и энергетическими клинками. Они двигались быстро, слаженно, как хищники, которые знают свою добычу. Окружали. Брали в кольцо. Отрезали пути к отступлению.

Вэйр не двинулся с места.

Он стоял в центре мостика, заложив руки за спину, и смотрел, как они приближаются. Десять бойцов. Против одного. В замкнутом пространстве. Без пути к отступлению.

Он улыбнулся.

— Что ж, — сказал он тихо. — Попробуйте.

Первый боец рванулся вперёд — быстрый, с энергетическим клинком, который вспыхнул фиолетовым. Он занёс руку для удара сверху. Вэйр шагнул в сторону — не быстро, почти лениво, — и клинок просвистел в миллиметре от его плеча. Вэйр перехватил запястье бойца, провернулся, и тот пролетел мимо, врезавшись в пульт.

Второй и третий атаковали одновременно — слева и справа. Вэйр пригнулся, уходя от двух клинков, которые скрестились там, где мгновение назад была его голова. Он выхватил мечи. Багровые лезвия вспыхнули в холодном свете мостика.

Первый удар — блок. Второй — парирование. Третий — он провернулся на пятке, и его правый меч описал дугу, отсекая ствол бластера вместе с рукой, которая его держала. Боец закричал. Вэйр не остановился. Левый меч прошёл сквозь его шею, и крик оборвался.

Кровь хлынула на пол.

Четвёртый боец попытался ударить его в спину. Вэйр услышал шаги — лёгкие, почти бесшумные — и развернулся. Левый меч отсёк клинок. Правый — руку. Боец рухнул на колени, и Вэйр добил его ударом в основание черепа.

Пятый и шестой напали вместе — один сверху, другой снизу. Вэйр подпрыгнул, провернулся в воздухе, и его мечи описали две идеальные дуги. Два тела упали на пол почти одновременно.

Седьмой попытался выстрелить. Вэйр уклонился — луч прошёл мимо, оставив дымящийся след на стене, — и рванулся вперёд. Он не стал бить мечом. Он перехватил запястье бойца, выкрутил его и забрал бластер. Одним движением.

Боец не успел даже вскрикнуть. Вэйр приставил ствол к его виску и выстрелил. Полчерепа снесло. Тело рухнуло на пол.

Вэйр повернулся к оставшимся.

Восьмой, девятый, десятый — они замерли. Смотрели на него. На кровь. На бластер в его руке. На мечи, которые всё ещё горели багровым.

Вэйр поднял бластер и выстрелил трижды. Три тела упали. Не одновременно — по одному. Он не торопился. Не целился. Просто поднимал руку и нажимал на спуск.

Тишина.

Вэйр стоял в центре мостика, и его мечи тускло светились багровым. Вокруг него лежали десять тел. Кровь медленно растекалась по полу, заливая пульты и кресла.

Вэйр посмотрел на командира со шрамом. Бросил бластер на пол — тот глухо стукнул и покатился.

— А теперь будем стрелять по своим, — сказал Вэйр.

Командир закричал:

— Нет!

Вэйр схватил его и с силой швырнул на пол. Командир ударился спиной о металл, и воздух вышел из его лёгких с хрипом. Он попытался подняться, но Вэйр уже стоял над ним.

— Ты не понял, — сказал Вэйр. — Я не спрашиваю. Я говорю.

Он наклонился, подобрал бластер с пола и вложил его в руку командира. Тот сжал оружие рефлекторно, но не поднял его.

— Ты сейчас свяжешься со своими кораблями, — продолжил Вэйр. — И скажешь им открыть огонь по флагману. По этому кораблю. По себе.

Командир смотрел на него, и в его глазах был ужас.

— Ты... ты безумен.

— Нет, — Вэйр покачал головой. — Я просто знаю, что ты не станешь этого делать.

Командир молчал. Потом медленно, очень медленно, опустил бластер на пол.

— Я не буду стрелять по своим, — сказал он тихо. — Никогда.

Вэйр посмотрел на него. Долго. Потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я сделаю это сам.

Он выхватил меч и одним ударом отсёк командиру голову. Голова покатилась по металлу, а тело, которое уже лежало на полу, дёрнулось и затихло. Кровь хлынула на палубу.

Вэйр развернулся к оставшимся на мостике — трое мужчин и женщина у пультов, которые смотрели на него с ужасом. Он не стал говорить. Не стал угрожать. Он просто прошёл по мостику, и его мечи описали две короткие дуги. Четыре тела упали одно за другим.

Тишина.

Вэйр убрал мечи в ножны. Подошёл к пульту управления флагмана. На экране было видно два других корабля «Красного Предела» — они всё ещё висели в пустоте, не двигаясь, не понимая, что произошло на флагмане.

Вэйр коснулся панели. Орудия флагмана медленно развернулись, нацеливаясь на два корабля.

Потом он включил видео.

На экране появились два лица — командиры двух других кораблей. Молодые, напряжённые, с широко раскрытыми глазами. Они видели мостик флагмана. Видели тела. Видели Вэйра, стоящего в центре, с мечами в ножнах и кровью на багровом костюме.

— Ваш командир мёртв, — сказал Вэйр. — Он отказался стрелять по своим. Это была его ошибка.

Он сделал паузу.

— У вас есть десять секунд, чтобы уйти. Я не буду повторять.

Один из командиров открыл рот, чтобы что-то сказать. Вэйр не стал слушать. Он нажал на спуск.

Снаряды вырвались из орудий флагмана — два ярких росчерка в пустоте. Один из кораблей попытался увернуться, но было слишком поздно. Снаряд пробил его корпус, и корабль вспыхнул, разлетаясь на куски. Второй успел развернуться, но второй снаряд догнал его. Взрыв был коротким и ярким.

Тишина.

Вэйр стоял у пульта и смотрел, как обломки медленно кружатся в пустоте. Потом отключил видео.

Вэйр прошёл по мостику — мимо тел, мимо крови, мимо пультов, которые всё ещё мигали огнями, — и опустился в кресло командира. Оно было тёплым. Ещё хранило тепло человека, который в нём сидел.

Он включил связь с «Спиралью».

— «Спираль», — сказал он. — Это я. Подойди к флагману. Мы забираем его.

Тишина. Потом голос — не голос, а скорее шёпот двигателей, которые отозвались на его команду. «Спираль» отцепилась от орбиты Кеф-Мора и медленно двинулась к флагману.

Вэйр откинулся в кресле. Закрыл глаза на секунду.

Теперь у него было два корабля. «Спираль» — его собственный, созданный для охоты. И флагман «Красного Предела» — большой, тяжёлый, с орудиями и трюмами. Но второй корабль ему был не нужен.

Он открыл глаза и коснулся панели связи.

— Даран, — сказал он. — Это Вэйр. Я на флагмане. Он мой. Я приведу его на орбиту Кеф-Мора — и передам тебе.

Тишина. Потом голос Дарана — тихий, сдавленный:

— Ты... ты жив?

— Жив, — Вэйр посмотрел на кровь на своих руках. — Флагман теперь твой. У него есть орудия. Есть трюмы. Есть двигатели. Если «Красный Предел» вернётся — а он вернётся, — у тебя будет чем их встретить.

Он сделал паузу.

— Я приведу его на орбиту. Встретимся на Кеф-Море.

Он отключил связь и поднял флагман с орбиты.

Глава 11. Бар на Кеф-Море

Флагман висел на орбите Кеф-Мора — тёмная громада, которая закрывала половину неба. С планеты он казался луной. Неправильной, слишком близкой, слишком тяжёлой. Но он был там. И он был их.

Даран поднялся на борт вместе с Вэйром. Он прошёл по мостику — мимо тел, которые ещё лежали на полу, мимо крови, которая ещё не высохла, — и остановился у кресла командира. Посмотрел на пульт. На экраны. На орудия.

— Он огромный, — сказал он тихо.

— Он твой, — ответил Вэйр.

Даран повернулся к нему.

— Ты не можешь просто отдать мне флагман.

— Могу, — Вэйр пожал плечами. — Мне он не нужен. У меня есть «Спираль».

Даран посмотрел на тела. На кровь. На разгромленный мостик.

— Что мне делать с ними? — спросил он.

— Убери, — сказал Вэйр. — Это теперь твой корабль. И твои люди.

Они спустились на планету. Город встречал их тишиной — той самой, которая бывает после бури. Люди выходили на улицы, смотрели в небо, на флагман, и не верили. Женщина с ребёнком на руках — та самая — подошла к Вэйру и коснулась его руки. Ничего не сказала. Просто коснулась.

Бар был на окраине города — низкое здание из тёмного камня, с дверью, которая всегда была открыта. Внутри пахло дымом, дешёвым спиртом и потом. За столами сидели ополченцы — те самые фермеры и шахтёры, которые ещё утром ждали смерти с орбиты. Теперь они пили. И смотрели на Вэйра.

Он сел за стол в углу. Даран сел напротив. Принесли бутылку — не коньяк, что-то местное, тёмное и крепкое. Вэйр налил себе. Сделал глоток. Поморщился.

— Дрянь, — сказал он.

— Зато наша, — Даран усмехнулся.

Они пили молча. Потом Вэйр поставил стакан.

— Я хочу забрать их флот, — сказал он.

Даран поперхнулся.

— Что?

— Их флот, — повторил Вэйр. — Все корабли. Не только те два, что я уничтожил. Все, что у них есть. Где-то за границей сектора. Я знаю их маршруты. Знаю коды. Знаю, как они думают.

Даран смотрел на него.

— Зачем тебе их флот?

Вэйр помолчал. Потом сказал:

— Потому что я не могу построить столько сам. У меня есть «Спираль». Один корабль. Хороший. Но один. А мне нужен флот. Не для того, чтобы защищать три планеты. Для того, чтобы делать то, что я делаю. То, что я буду делать дальше.

Даран откинулся на спинку стула.

— Ты хочешь забрать их корабли себе.

— Да.

— И ты предлагаешь мне... что? Помочь тебе?

— Нет, — Вэйр покачал головой. — Я предлагаю тебе остаться здесь. С флагманом. Защищать Кеф-Мор. А я пойду один.

Даран молчал. Долго. Потом взял стакан и осушил его одним глотком.

— Ты безумен, — сказал он.

— Возможно, — Вэйр усмехнулся. — Но это сработает.

Он поставил стакан на стол.

— Завтра я вылетаю. Один. Ты остаёшься здесь. С флагманом. С людьми. С планетами.

Даран смотрел на него. Потом медленно, очень медленно, кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Но если ты не вернёшься — я всё равно оставлю флагман себе.

— Он и так твой, — Вэйр усмехнулся.

— Вот и славно, — Даран поднял стакан. — Тогда хотя бы не потеряю корабль.

Вэйр рассмеялся. Впервые за долгое время — искренне.

— Договорились.

Даран допил, поставил стакан и поднялся.

— Я пойду, — сказал он. — Надо готовить людей. И флагман. Утром увидимся.

Вэйр кивнул. Даран ушёл, и бар стал тише — или это просто шум ополченцев отступил на второй план. Вэйр остался сидеть в углу, с бутылкой и стаканом, и смотрел на огонь в камине. Не думал ни о чём. Просто сидел.

Глава 12. Приказ

Утро на Кеф-Море было серым. Не потому, что небо хмурилось — оно вообще редко хмурилось над этой планетой, — а потому, что пыль от выжженных полей висела в воздухе, как пепел после давно потушенного пожара. Она оседала на стёкла, на крыши, на плечи людей. И все к ней привыкли. Так привыкают к шраму — он уже не болит, но каждый день напоминает, что был.

Вэйр стоял на крыльце штаба, когда Даран вышел из дверей с кружкой в руке. Кофе. Настоящий, не синтетический. Даран варил его сам — единственная роскошь, которую он себе позволял. Он протянул вторую кружку Вэйру. Тот взял.

Они стояли молча. Смотрели на город. На людей, которые уже начали разбирать завалы — те самые, что остались после последнего налёта. Женщина таскала обломки кирпича в тачке. Старик сколачивал новую ставню из досок. Мальчишка лет десяти — худой, с ободранными коленями — тащил ведро с водой.

— Они не боятся, — сказал Даран тихо. — Впервые за два месяца. Смотрят в небо — и не боятся. Потому что там, наверху, наш флагман. Наш. Не их.

Вэйр сделал глоток. Кофе был крепкий, почти горький. Такой, как надо. Ночью он много думал. Идти за чужим флотом в одиночку было красиво — но глупо. Даже если он вырежет экипажи, корабли нужно кому-то вести. Нужны люди. Нужны офицеры.

— Даран.

— М?

Вэйр поставил кружку на перила. Медленно. Аккуратно. Потом посмотрел на Дарана — прямо, без улыбки, без игры.

— Я не полечу сегодня. Собирай всех.

Даран повернул голову.

— Кого — всех?

— Всех наших. Всех, кого знаешь. Спецов. Штурмовиков. Разведчиков. Пилотов. Тех, кто умел держать оружие и не забыл, с какой стороны оно стреляет. Тех, кто спивается в барах на окраинах. Тех, кто работает грузчиком в порту и делает вид, что забыл, как выглядит поле боя. Тех, кто ждал.

Он помолчал.

— Скажи им: генерал отдаёт приказ. Скажи им: Кэлдор вернулся. Скажи им: есть работа. Настоящая. Не подачки. Не охрана складов. Не контракты на перевозку грузов. Война.

Даран смотрел на него долго. Потом медленно поставил свою кружку рядом с его.

— Ты понимаешь, что их много? — спросил он. — Не тридцать. Не сорок. Сотни. По всей галактике. На разных планетах. В разных системах. Некоторые уже умерли. Некоторые спились так, что не вспомнят своего имени. Некоторые не захотят возвращаться.

— Я знаю.

— А если они откажутся?

Вэйр посмотрел на город. На мальчишку с ведром. На женщину с тачкой. На старика со ставней.

— Тогда они останутся там, где есть, — сказал он. — И будут жить с этим. А мы пойдём дальше. Без них. Но они должны узнать. Каждый. Скажи им: генерал зовёт. Скажи им: это не приказ. Это выбор. Но если они выберут — мы будем ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.